

Уже несколько лет говорили, что у бабушки слабое здоровье, но, как ни странно, дело всё время откладывалось. Хотя лучше ей не становилось, но и хуже тоже — болезнь будто замерла.

Никто не мог с уверенностью сказать, действительно ли Чжоу Ваньжун раскаялась за эти годы, но она почти каждый день тихо и заботливо ухаживала за пожилыми родителями, научившись даже готовить — а ведь раньше она и пальцем о палец не ударяла, привыкнув к жизни, где всё подают на блюдечке.

Лу Сяньчжоу не мог понять, искренне он её простил или нет, да и особых чувств к ней не питал. Цяо Цзинь не заставлял его прощать мать, но ему не хотелось, чтобы Лу Сяньчжоу постоянно носил в сердце ненависть, а выбор оставался за ним самим.

Когда они вернулись в дом семьи Чжоу, Чжоу Ваньжун сидела на диване рядом с бабушкой, просматривая старую сентиментальную драму прошлого века. Шла как раз финальная сцена, и голос певицы, звучащий за кадром, был полон такой силы, словно она бросала вызов самим небесам.

Зрители могли и прослезиться, но Цяо Цзинь, сдерживая смех, прислонился к Лу Сяньчжоу и прошептал:

— Бабушка наверняка сейчас скажет, какая эта женщина несчастная, и что в наше время всё было бы иначе.

Так и вышло. Секундой позже бабушка с заметным гнусавым оттенком в голосе вздохнула:

— До чего же жалко эту девчонку. Такая злая свекровь ей и даром не нужна. Жили бы они в наше время, её следовало бы схватить и за решетку посадить.

Чжоу Ваньжун улыбнулась и вложила ей в руку два ярко-красных, сочных клубничных плода:

— Ну будет вам, мама, вы это уже сотый раз повторяете. Зачем же так близко к сердцу принимать сериал? О, Цяо Цзинь пришел?

Бабушка подняла голову и тут же заулыбалась:

— Милый, иди сюда, угощайся клубникой.

Цяо Цзинь подошел, сел рядом и, взяв клубнику из рук бабушки, с улыбкой откусил кусочек:

— Очень сладкая.

Чжоу Ваньжун сидела с другой стороны и пододвинула тарелку с ягодами ближе к нему:

— Ешь больше фруктов, это полезно для ребенка. Но смотри, не ешь всё подряд, есть ведь и холодные, и слишком горячие продукты, будь осторожен.

Цяо Цзинь кивнул:

— Хорошо.

Чжоу Ваньжун чувствовала себя немного неловко. В последние годы она перестала ходить на встречи со своими бывшими подругами, их жизнь стала для неё бесконечно далекой.

Оказалось, что сопровождать родителей на прогулках и ходить с ними за покупками — это тоже большое счастье.

Однажды, столкнувшись с бывшей подругой и выслушав порцию насмешек в свой адрес, она неожиданно спокойно ответила:

— Ничего страшного. Моя невестка скоро рождает, мне уже пора остепениться, нянчить внуков дома — это ведь тоже неплохо.

Прожив такую долгую жизнь, она больше ни за что не хотела бороться — это бессмысленно. Куда лучше сберечь силы для внуков. Только вот Лу Сяньчжоу до сих пор не желал её прощать, но она и не настаивала — ей было достаточно того, что теперь они могут спокойно сидеть за одним столом.

— Вы посидите, а я пойду готовить, — Чжоу Ваньжун сухо улыбнулась и направилась на кухню.

Цяо Цзинь взял апельсин, почистил его и вложил дольку в рот Лу Сяньчжоу.

— Тьфу, кислятина! — Лу Сяньчжоу чуть не прослезился.

Цяо Цзинь с довольным видом съел дольку, а вскоре и вовсе закончил весь апельсин. Лу Сяньчжоу ошеломленно смотрел на него: как он может это есть?

Цяо Цзинь причмокнул губами, собираясь съесть ещё, но Лу Сяньчжоу перехватил его руку:

— Хватит, одного достаточно. Съешь больше — потом затошнит, у тебя от одной этой кислоты всё свело.

Бабушка рядом рассмеялась:

— Кисленькое к сыну, остренькое к дочке. Глядишь, у них будет мальчик.

Лу Сяньчжоу ответил:

— Даже не знаю. Он у нас ест всё подряд: и горькое, и кислое, и сладкое, и острое. Не удивлюсь, если у нас родится Нэчжа.

Бабушка засмеялась:

— Чепуху не говори.

Цяо Цзинь под предлогом похода в ванную проскользнул на кухню, когда Лу Сяньчжоу не видел. Чжоу Ваньжун испугалась:

— Ты зачем сюда пришел? Иди скорее обратно, иди!

Видя, как она суетливо освобождает для него стул, Цяо Цзинь вспомнил их первую встречу, когда она смотрела на него свысока, словно одно лишь его присутствие оскверняло её взор. Люди действительно быстро меняются.

— Сяньчжоу не очень любит, когда мы остаемся наедине, лучше тебе выйти, — Чжоу Ваньжун, стоя к нему спиной, нарезала овощи. В простой одежде, с волосами, уложенными в скромный пучок, она выглядела как обычная заботливая домохозяйка.

Цяо Цзинь тихо произнес:

— Мама.

Чжоу Ваньжун полоснула ножом по ногтю и чуть не порезалась. Она выронила нож и, дрожа, обернулась:

— Ты... как ты меня назвал?

Цяо Цзинь улыбнулся, прищулив глаза:

— Вы мама моего старшего брата по учебе, значит, я тоже должен называть вас мамой.

На лице Чжоу Ваньжун мелькнуло смущение:

— Я этого не заслуживаю.

Цяо Цзинь сказал:

— На самом деле старший брат не то чтобы не хочет вас прощать. Его нынешнее отношение уже означает, что он принял ваше присутствие в этом доме. Не вините его.

Чжоу Ваньжун замахала руками:

— Как я могу его винить? Это я перед ним виновата. Я должна умолять о прощении, как я могу его в чем-то упрекать?

Цяо Цзинь оглянулся и добавил:

— На самом деле старший брат никогда вас не ненавидел. Он просто привык всё брать на себя.

Чжоу Ваньжун почувствовала такую вину, что была готова ударить себя по лицу:

— Я знаю. Я и не смею надеяться, что он будет относиться ко мне так же тепло, как к бабушке. Лишь бы он позволил мне остаться в доме семьи Чжоу и перестал враждебно смотреть на меня — этого уже достаточно.

Цяо Цзинь кивнул:

— Тогда я пойду.

Вечером, во время ужина, дедушка неожиданно спросил:

— Живот уже заметный, имя ребенку придумали?

Лу Сяньчжоу ответил:

— Еще нет. Цяо Цзинь сказал, пусть дедушка придумает.

Дедушка задумался, отпил чаю и с нарочито безразличным видом произнес:

— Чжоу Цы Шэнь. Не умеет красиво говорить, но глубоко любит.

Лу Сяньчжоу похлопал Цяо Цзиня по плечу:

— Эй, дедушка о тебе говорит. Ты что, правда не умеешь говорить, но при этом глубоко любишь меня?

Цяо Цзинь покраснел от такой подколки:

— Не говори ерунды.

Чжоу Цзинминь поинтересовался:

— А если родится девочка? Мне кажется, с таким животом у Цяо Цзиня могут быть двойняшки. Если будет двое, придется придумывать ещё одно имя?

Цзянь Чжюань усмехнулся:

— Что с тобой, шурин? Получил внука и всё равно недоволен, хочешь забрать и второго ребенка?

Чжоу Цзинминь рассмеялся:

— Ну что ты, мне любой дорог.

Чжоу Ваньжун не могла поддержать беседу, лишь тихонько улыбалась и попивала чай. Цяо

Цзинь не имел особых предпочтений, он и сам не умел придумывать имена.

Лу Сяньчжоу сказал:

— Если действительно родится двойня, и среди них будет девочка, я уже придумал имя: Лу Ци Цзинь. «Выбрать все холодные ветки, чтобы отдохнуть ныне». А если будет два сына, младшего назовем Гоу Дань.

Цяо Цзинь:

— Кхе-кхе-кхе...

Дедушка сердито посмотрел на него:

— Иди ты.

Цзянь Чжюань задумался и произнес:

— Если будет два сына, младшего можно назвать Лу Лосин. Увидеть, как в долгую ночь падает звездная река. Разве Цяо Цзинь не та маленькая звездочка, что упала в твою бесконечную темную ночь?

Цяо Цзинь покраснел ещё сильнее:

— Дядя Цзянь, как вы можете...

Лу Сяньчжоу понравилась идея, и он тут же ответил:

— Решено.

После ужина дедушка с бабушкой оставили их переночевать. Чжоу Ваньжун помыла фрукты и протянула Лу Сяньчжоу:

— Вот, отнеси Цяо Цзиню.

Лу Сяньчжоу взял тарелку и равнодушно бросил:

— Угу, не утруждайтесь.

Чжоу Ваньжун вытерла руки и смущенно улыбнулась:

— Хорошо, иди в комнату, побудь с Цяо Цзином, я постираю ваши вещи.

Лу Сяньчжоу смотрел на её удаляющуюся спину, затем на фрукты в чаше, но ничего не сказал. За эти годы он видел перемены в Чжоу Ваньжун — она словно стала другим человеком. Она не

только заботилась о стариках, но и старалась окружить теплом Цяо Цзиня, хотя каждый раз делала это тайком, чтобы он не знал.

Сначала Лу Сяньчжоу думал, что она снова затевает какую-то интригу, и только потом понял, что она просто боится его гнева. В его памяти Чжоу Ваньжун всегда была высокомерной женщиной, которая заботилась лишь о своей выгоде, а собственный сын был для неё лишь ступенькой.

То, что она так изменилась, для Лу Сяньчжоу было не просто шоком — он подсознательно не верил в это. Он считал, что она просто поняла: теперь, когда он вернул власть в корпорации Лу, а Лу Янхуэй и Лу Пиньянь не могут её защитить, у неё просто нет иного выхода.

Такие люди, как Чжоу Ваньжун, способны на многое ради выживания.

Лу Сяньчжоу не ожидал, что она продержится больше четырех лет. На его холодные слова она никогда не отвечала яростью, как раньше, словно действительно всем сердцем искала прощения. Внеплановая глава 3: Период беременности

Живот у Цяо Цзиня действительно был странно огромным. Раньше оба ни счетом, ни опытом не обладали, даже спросить толком не додумались, а врач решил, что они и сами всё знают, и ничего не стал объяснять.

Как-то раз во время планового осмотра Чжоу Ваньжун велела Лу Сяньчжоу расспросить доктора о деталях, и он задал вопрос.

Врач удивился:

— А? Вы разве не знали, что тут двойня?

Лу Сяньчжоу на мгновение ошеломлен: неужто и правда два малыша?

Цяо Цзинь, лежа на кушетке для осмотра, тоже растерялся. Смотря на свой круглый живот, он пытался представить, что внутри прячутся сразу два крохи. Врач развернул к ним монитор:

— Вот, смотрите, двое деток.

То ли услышав голоса снаружи, то ли по какой-то другой причине, но крошечные человечки внутри сладко потянулись. Раньше на УЗИ ручек и ножек было почти не разглядеть, и особого трепета это не вызывало, но теперь, увидев их, Цяо Цзинь так и загорелся нетерпением поскорее узнать, какими они появятся на свет.

Лу Сяньчжоу наклонился, внимательно вглядываясь в экран, и улыбнулся:

— А шустрые какие.

Доктор заметил:

— Детишки крепкие и здоровые, но ты, Цяо Цзинь, всё же слишком худенький. Ешь побольше, иначе потом сил на роды не хватит.

Цяо Цзинь с покрасневшим лицом кивнул.

С тех пор Лу Сяньчжоу каждый день изошрялся в стряпне, пытаясь угодить мужу, и Цяо Цзинь набрал добрый десяток килограммов. Добавив к этому вес двоих малышей в животе, он чувствовал себя настоящим мячом.

— Я не толстый. Пока ты еще можешь меня поднять — я в норме, — говорил Цяо Цзинь.

На что тот отзывался:

— А если поднять уже не смогу — это сколько же весить надо? Центнер?

— Целый центнер, — смеясь в унисон с его шуткой, подхватывал Лу Сяньчжоу. — Тогда точно не осилю.

Срок у Цяо Цзиня был уже большим, руки и ноги сильно отекали, а тяжелый живот мешал лечь на спину, так что спать приходилось исключительно на боку. Опасаясь, что мужу неудобно, Лу Сяньчжоу подкладывал подушки ему под спину, живот и колени.

Цяо Цзинь слегка нахмурился, тихонько втянув воздух, но тут же разгладил брови. Чуткий Лу Сяньчжоу сразу заметил неладное:

— Что такое?

— Ни... ничего страшного.

— Говори честно, где болит? — Лу Сяньчжоу боялся, что из-за стеснительности тот станет скрывать правду.

— И правда ничего, просто спать хочется.

Цяо Цзинь уткнулся лицом в подушку, пытаясь перетерпеть колющую боль в груди, напоминавшую уколы тончайших игл. В последнее время эти приступы стали еще сильнее.

Доктор Шэнь говорил, что подобные ощущения вызваны гормонами беременности и распиранием, и достаточно просто размять уплотнения. Но Цяо Цзиню было неловко просить об этом Лу Сяньчжоу, а самому во время душа из-за малейшего прикосновения становилось больно, так что он никак не решался и всё тянул до последнего.

Лу Сяньчжоу выключил верхний свет, оставив лишь напольный ночник, и протянул руку, чтобы приобнять Цяо Цзиня, но стоило ему случайно задеть мужа, как тот снова судорожно втянул воздух.

— Что случилось?

На этот раз боль была слишком сильной, да и бесконечные расспросы мужа вывели Цяо Цзиня из себя:

— В груди болит! Ты всё спрашиваешь и спрашиваешь, будешь допытываться — вообще рожать не стану!

Лу Сяньчжоу, которого за время беременности уже приучили к подобным вспышкам, виновато улыбнулся, признавая свою неправоту:

— Ладно-ладно, виноват. Почему же в груди болит? Почему на осмотре врачу не сказал?

Раз уж выговорился, Цяо Цзинь больше не ломался:

— Я спрашивал доктора Шэня, он сказал, что это из-за... прилива...

— Прилива чего? — Лу Сяньчжоу растерянно моргнул.

Цяо Цзинь с досадой бросил:

— Молока!

Лу Сяньчжоу опешил. Нет, вообще-то он знал, что у омег в период беременности такое случается, но ведь он спрашивал Цяо Цзиня, и тот уверял, что всё в порядке, да и на боль раньше не жаловался. С чего вдруг это началось так внезапно, словно проблема зрел уже давно?

— Ты всё это время терпел?

Лицо Цяо Цзиня залилось ярким румянцем, в котором смешались стыд и злость:

— А как бы я тебе об этом сказал? Сказал бы: «С-шисюн, помоги-ка мне тут всё размять»?

Лу Сяньчжоу и разозлиться толком не мог, и смеяться было грех. Он осторожно накрыл ладонью болезненное место:

— Я твой муж, кому еще говорить, если не мне? Если не я тебе помогу, то кого ты собирался просить?

Цяо Цзинь снова судорожно ахнул:

— Потихе, потихе, потихе!

Не ожидая, что мужу будет настолько больно, Лу Сяньчжоу тут же испуганно убрал руку:

— Настолько серьезно? Сам не пробовал делать массаж для протоков?

Цяо Цзинь с детства панически боялся боли, а от той попытки у него аж искры из глазсыпались:

— Пробовал. Только слишком больно, я и бросил. Если не трогать, вроде не так сильно и ноет.

Лу Сяньчжоу слегка помрачнел:

— Что за глупости? Разве такое можно терпеть?

Цяо Цзинь почувствовал себя обиженным:

— А что мне делать, если больно? Ты же за меня эти муки не примешь! Сам виноват, в следующий раз будешь рожать вместо меня!

Лу Сяньчжоу изогнул бровь:

— Ишь как нос задрал.

Цяо Цзинь сжал губы:

— А вот и буду.— Ладно-ладно, старший брат понял. Постараюсь делать так, чтобы тебе не было больно, хорошо? — Обещание Лу Сяньчжоу звучало примерно так же, как уговоры самого себя: стоило лишь чуть-чуть прикоснуться, как муж уже морщился от боли, а уж как делать массаж и вовсе представлялось за гранью фантастического воображения.

— А можно без этого массажа? Правда очень больно.

— Нельзя, эти уплотнения твоему здоровью пользы не принесут. Даже если кормить сам не будешь, протоки всё равно необходимо разработать сейчас. Сказал бы ты мне раньше, не пришлось бы так мучиться, а теперь чем дальше, тем больнее. Слушайся, потерпи немного, и всё пройдет.

Лу Сяньчжоу терпеливо уговаривал его, но, закончив говорить, вдруг замер.

Цяо Цзинь недоверчиво посмотрел на него:

— Что такое?

Лу Сяньчжоу промолчал с полсекунды. Он ведь не умеет! Никогда никому подобного не делал и специальной теории не изучал. Хотя о самом факте разработки протоков он слышал, но как именно это делается на практике — понятия не имел.

Боясь причинить Цяо Цзиню вред по неосторожности, он немного подумал и всё же позвонил доктору Шэню.

Тот, судя по всему, только освободился от дел, и голос его звучал слегка хрипло:

— Возьми горячее полотенце, сначала приложи к груди, затем аккуратно разминай по часовой и против часовой стрелки, равномерно сделав несколько кругов, после чего слегка приподними и потяни. Повторяй этот цикл.

— От этого метода больно? Или есть какие-то способы без боли? — поинтересовался Лу Сяньчжоу.

Доктор Шэнь ответил:

— Нет.

Лу Сяньчжоу проворчал:

— До чего же у вас медицина отсталая. В какую эпоху живет, а пациенты всё равно мучаются.

Доктор Шэнь повесил трубку.

— Пойду поищу полотенце, сделаю тебе компресс, — Лу Сяньчжоу сбросил вызов, поднялся с кровати, налил половину таза горячей воды и опустил туда полотенце.

Цяо Цзинь немного испуганно отпрянул.

— Послушай, когда протоки разработаются, боль пройдет.

Цяо Цзинь сжал зубы, глубоко вздохнул и приподнял пижаму. Когда горячее полотенце коснулось кожи, он всё равно не удержался от стога, изо всех сил стараясь не дрожать и до боли сцепив зубы.

— Больно? — спросил Лу Сяньчжоу.

— Очень.

Лу Сяньчжоу и самому было невыносимо тяжело: боль, которую испытывал Цяо Цзинь,

отдавалась точно такой же раной в его собственном сердце. Руки двигались всё осторожнее и мягче, но облегчения это почти не приносило — болело по-прежнему.

У Цяо Цзиня стучали зубы, но он упрямо повторял:

— Ни... ничего, я справлюсь.

Лу Сяньчжоу перевел дыхание, стер капельки пот со лба мужа и произнес:

— Ты у меня большой молодец.

— Всё в порядке, я вытерплю.

-

Ежедневные процедуры по расписанию: от слез при малейшем прикосновении в самом начале до покрасневших от смущения щек в конце. Лу Сяньчжоу понял — процесс подошел к концу.

Он наклонился, тихо вдохнув воздух, а подняв голову, с улыбкой спросил:

— Что это? Запах феромонов?

Цяо Цзинь отвернул голову:

— Не знаю.

Его собственный феромон пах молоком — сам по себе чистый, почти по-детски наивный запах, но рядом с Лу Сяньчжоу он почему-то приобретал какой-то совершенно непередаваемый оттенок.

Молочный запах.

Но вовсе не тот самый.

У него ведь еще ничего не было. Даже после разработки молоко не начнет выделяться мгновенно, придется ждать родов — эту элементарную истину он тоже усвоил за последнее время.

— Срок уже близко, я тут на днях немного освобожусь и полностью посвящу время тебе, — Лу Сяньчжоу массировал ему стопы и между делом спросил: — Страшно?

Цяо Цзинь на секунду засомневался, но честно кивнул:

— Чуть-чуть. Ты сможешь пойти со мной?

Лу Сяньчжоу ответил:

— Конечно. Я должен быть первым, кто их увидит.

-

В день родов Лу Сяньчжоу так и не смог пройти с ним в операционную. Роды начались на полмесяца раньше ПДР, застав Лу Сяньчжоу в командировке в соседнем городе, и от звонка Чжоу Ваньжун он едва не лишился дар речи.

— Как он сейчас?! Я немедленно возвращаюсь!

Чжоу Ваньжун поспешно успокоила его:

— Всё в порядке. Когда я приехала, у него только начались схватки, вызвали скорую, его уже увезли в операционную, серьезных проблем быть не должно. Сильно не переживай, поезжай назад аккуратно, не спеши на дороге.

-

В голове у Цяо Цзиня царила абсолютная пустота. Боль внизу живота подводила к самой черте между жизнью и смертью, но не давала спасительного забытья, раз за разом возвращая обратно в тиски мучений.

Бесконечные волны резкой боли концентрировались в области живота, голос старшей медсестры доносился откуда-то издалека, словно сквозь вату, и Цяо Цзинь инстинктивно тужился следом за ее указаниями, задыхаясь от невыносимых спазмов.

— Ножницы, — видя, что дело не продвигается, врач сделал надрез хирургическими ножницами.

— Еще раз, давай! — акушерка вновь и вновь направляла его усилия, вытирая пот со лба: — Нельзя закрывать глаза, ради малышей нужно постараться! Почти закончили, еще разок.

Цяо Цзинь с детства боялся боли, но ради Лу Сяньчжоу и детей был готов стерпеть самую страшную боль на свете. Зажав в зубах марлевую салфетку, которую дала акушерка, он изо всех сил напрягся.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем старшая медсестра облегченно выдохнула:

— Всё, закончили, поздравляю, у вас королевская двоиня.

Сохранив лишь крошечную искру сознания, Цяо Цзинь увидел две фигурки, держащие на руках свертки с малышами, слабо улыбнулся и закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/21169/2144711>